

«Франкенштейн» и другие страшные истории

В свободном пересказе
Софьи Прокофьевой

Художник
Анна Павлеева

Москва
2019

УДК 82-93
ББК 84(2=411.2)6-44
Ф83

Художественное оформление, макет – Валерий Калныньш
Иллюстрации – Анна Павлеева

Ф83 «Франкенштейн» и другие страшные истории / Пересказ Софьи Прокофьевой. –
М. : Время, 2019. – 256 с. : ил. – (Сказочное время).

ISBN 978-5-9691-1791-4

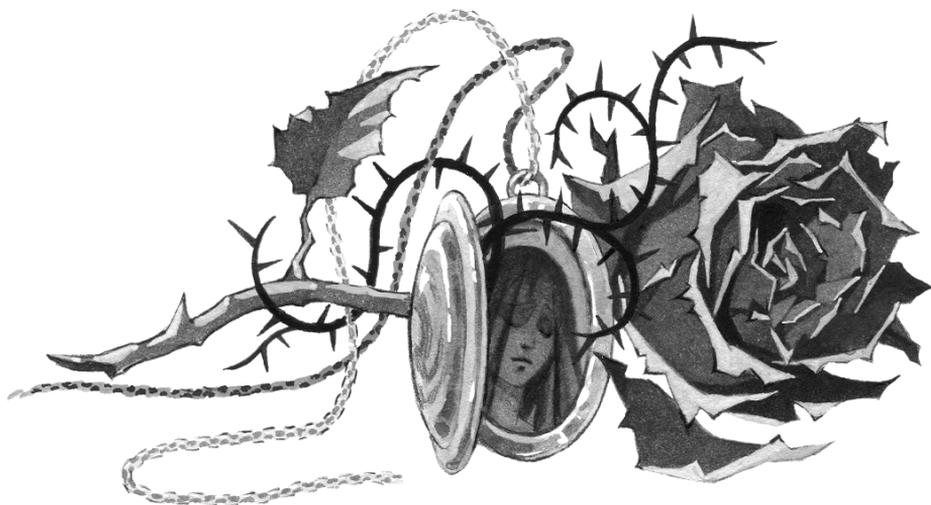
Великая сказочница Софья Прокофьева написала вольные пересказы самых страшных историй мировой литературы, от «Франкенштейна» Мэри Шелли до «Ундины» Фридриха де ла Мотт Фуке. Для детей это прекрасный способ познакомиться с важнейшими в европейской культуре сюжетами. А взрослые с удивлением найдут переклички между любимыми с детства историями.

ББК 84(2=411.2)6-44

ISBN: 978-5-9691-1791-4

© Прокофьева С. Л., 2019
© «Время», 2019

Франкенштейн

ГЛАВА 1

родился в Женеве и первые годы жизни странствовал вместе с родителями сначала по Италии, потом мы переехали в Германию. Нежные ласки матери, добрый взгляд и улыбка отца — таковы мои первые воспоминания. Я был их игрушкой, их божком — но, вернее, я был обожаемым ребенком, посланным им небесами.

Мои родители боготворили друг друга, но у них оставался еще неисчерпаемый запас любви, изливавшейся на меня. Вспоминая свое детство, я вижу его как бы насквозь пронизанным солнцем.

Моей матери очень хотелось иметь дочь, но долгое время я оставался их единственным ребенком.

Как-то родители провели неделю на берегу озера Комо. Однажды во время прогулки их внимание привлекла необычайно убогая хижина, где все говорило о крайней нищете ее обитателей. И вот там они увидели маленькую девочку, окруженную голодными ребятами. Она казалась существом какой-то иной породы: четверо оборвышей были черноглазы и крепки, а эта девочка была тоненькая и белокурая. Волосы цвета золота венчали ее головку, как корона. У нее был чистый лоб, ясные синие глаза, а лицо такое нежное и прелестное, что казалось, оно отмечено печатью небесного рождения. Мать ее умерла при родах, отец моряк не вернулся из дальнего плавания. Крестьяне, ее приемные родители, нежно любили прелестную сиротку. Но когда мои родители решили ее взять, они быстро договорились с нищими крестьянами, обещав позаботиться об их мальчуганах.

Вскоре Элизабет, так звали девочку, переехала к нам и стала общей любимицей. Она стала моей обожаемой подругой. Я относился к ней с благоговейной привязанностью. Я стал считать Элизабет своей сестрой, порученной мне свыше, чтобы я ее защищал и лелеял.

Мы воспитывались вместе, и различия в наших характерах только сближали нас. Элизабет была спокойнее и мягче, зато я, при всей своей необузданности, обладал большим упорством и неутолимой жадной жаждой знаний. Ее пленяли воздушные замыслы поэтов. Она любовалась роскошными пейзажами, окружавшими наш прекрасный швейцарский дом. Она казалась принцессой в саду, полном цветов, на берегу прохладного озера.

В то время как моя подруга с наслаждением созерцала внешнюю красоту мира, я любил исследовать глубинную причину вещей. Мир представлялся мне тайной, которую я стремился постичь. Нрав у меня был буйный, и страсти порой овладевали мной всецело.

Г Л А В А 2

Через семь лет у меня появился брат, прелестный малыш, которого Элизабет и я нежно полюбили. И уж конечно, нельзя не вспомнить о соседском мальчике Анри Клервале, с которым меня связала самая тесная дружба. Он обладал живым воображением, сам сочинял героические поэмы и представлял себя одним из рыцарей короля Артура. Наша жизнь состояла из бесчисленных радостей и увлечений, а Элизабет озаряла наши игры, подобно алтарной лампаде. Ее присутствие смягчало мои порывы, передавая мне частицу ее кротости.

Естествознание — моя пагубная страсть, которая впоследствии стала моей судьбой.

Однажды, когда мне было тринадцать лет, мне в руки случайно попал томик сочинений Корнелия Агриппы. Я открыл его с равнодушием, но теория и удивительные факты, которые он описывал, вскоре привели меня в восхищение. Меня словно бы озарил новый свет, полный неожиданности и сокровищ, и я рассказал отцу о своем открытии. Тот небрежно взглянул на заглавие и сказал: «А, Корнелий Агриппа! Милый Виктор, не трать время на подобные пустяки». Если бы тогда вместо этого беглого замечания отец взял на себя труд объяснить мне, что учение Агриппы полностью опровергнуто, что его сменила новая научная система, более основательная и глубокая, ибо идеи Агриппы были призрачными, тогда как новая система оказалась реалистичнее и плодотворнее. Тогда я, несомненно, отверг бы Агриппу и с усердием обратился бы к новым знаниям. Скорее всего, мои мысли никогда не получили бы того рокового импульса, который в конце концов привел меня к гибели. Но я с жадностью продолжил чтение.

Я раздобыл все сочинения моего кумира, а затем Парацельса и Альберта Великого. Я с наслаждением изучал их безумные и губительные вымыслы; они казались мне сокровищами, мало кому известными, кроме меня. Я увидел укрепления, преграждавшие че-

ловеку вход в цитадель природы. А тут были книги, проникавшие глубже, и люди, знавшие больше. Я во всем поверил им на слово и сделался их преданным учеником. Страсть исследователя сочелась во мне с доверчивостью ребенка. И вот под руководством новых наставников я с величайшим усердием принялся за поиски философского камня и жизненного эликсира. Какая слава ждала бы меня, если бы я нашел способ избавить человека от болезней и сделать его неуязвимым!

Мои любимые авторы не скупилась на щедрые обещания научить заклинанию духов или дьяволов. Я с жаром принялся этому учиться.

ГЛАВА 3

Когда я достиг семнадцати лет, мои родители решили отправить меня в университет города Ингольштадт. Уже назначен был день отъезда, но прежде чем он наступил, в моей жизни произошло первое несчастье, словно предвещавшее все дальнейшее.

Моя любимая Элизабет заболела скарлатиной. Она болела так тяжело, что жизнь ее была в опасности. Моя матушка стала ухаживать за больной, и ее неусыпная забота победила смертельный недуг. Элизабет была спасена, но для ее спасительницы эта жертвенная забота оказалась роковой. На третий день моя матушка почувствовала себя плохо, высокая температура сопровождалась самыми тревожными симптомами. Скоро стало ясно, что болезнь идет к печальному концу. Но даже на смертном одре матушка продолжала думать обо мне и Элизабет. «Дети, — сказала она, — я всегда мечтала о вашем союзе. Это мое заветное желание». То были ее последние слова, и душа ее отлетела.

Мы все были в отчаянии. И не могли примириться, что навеки угасло сияние любимых глаз. Но мы так любили друг друга, что все-

ми силами старались утешить и поддержать нашего старого отца и хоть сколько-нибудь друг друга.

Мой отъезд в Ингольштадт, отложенный из-за этих печальных событий, был теперь решен снова. Мы засиделись допоздна, и никто не мог произнести неизбежное слово «прощай». С рассветом я бросился на сиденье экипажа, уносившего меня от моих любимых, и с трудом сдержался, чтобы не разрыдаться.

Путь в Ингольштадт был долог и утомителен. Наконец моим глазам предстали высокие белые шпили города. Меня направили к господину Кремпе, профессору естественных наук. Это был грубоватый человек, но большой знаток своего дела. Он задал мне несколько вопросов и был поражен моими ответами. «И вы в самом деле потратили столько времени на изучение подобного вздора? Боже! В какой же пустыне вы жили, если никто не сообщил вам, что вы увлеклись выдумками и баснями!» Я был, конечно, несколько растерян, но ничто не могло поколебать доверия к моим кумирам.

Я стал посещать лекции других профессоров. Наиболее значительными мне показались исследования господина Вальдмана. Свою лекцию он начал с обзора истории химии и сделанных в ней открытий. Но это были всё те же хорошо известные мне представители науки, которые, в своем роде, совершали истинные чудеса. Они исследовали природу в ее сокровенных тайниках. Они узнали, как движется в нашем теле кровь и из чего состоит воздух, которым мы дышим. Они повелевали небесным громом, землетрясениями, и, главное, они проникли в тайны невидимого мира.

Таковы были слова профессора, вернее, слова судьбы, произнесенные на мою погибель. Он затрагивал одну за другой сокровенные струны моей души. «Если столько уже сделано, — думал я, — уверен, я сделаю больше, много больше, и приобщу человечество к глубочайшим тайнам природы».

В тот же день я посетил дом господина Вальдмана. Я сказал, что его лекции во многом уничтожили мое предубеждение против со-

временных химиков. Он провел меня в свою лабораторию и объяснил назначение различных приборов. Он вручил мне также список книг, с которыми, по его мнению, я обязательно должен был ознакомиться.

ГЛАВА 4

С того дня естествознание, и особенно химия, стало почти единственным моим увлечением. Господин Вальдман сделался мне истинным другом и учителем. Благодаря стремлению и упорству я, разумеется, добился немалых успехов. Я поражал студентов своим усердием, а своих наставников — познаниями. Теперь Корнелий Агриппа уже не казался мне столь блестящим ученым. Я надеялся, что новые знания приведут меня к великим научным открытиям.

И действительно, к концу второго года я придумал некоторые усовершенствования в химической аппаратуре, завоевавшие мне в университете признание и уважение. Особенно занимало меня строение человеческого и вообще любого живого организма. Где, часто спрашивал я себя, таится жизненное начало? Я особенно тщательно изучал физиологию.

Если бы не моя одержимость, эти занятия были бы тягостны и почти невыносимы. Для исследования причины жизни мне приходилось обращаться к смерти, наблюдать процесс естественного распада и гниения тела. Боязнь темноты была мне неведома, а кладбище представлялось лишь местом упокоения мертвых тел, которые из обиталищ красоты и силы сделались добычей червей.

Я исследовал причинные связи перехода от жизни к смерти и от смерти к жизни, как вдруг среди полной тьмы блеснул внезапный свет — столь ослепительный, что я, потрясенный, мог только удив-

ляться, почему после стольких гениальных людей, изучавших этот предмет, именно мне выпало открыть великую тайну.

Ценою многих дней и ночей нечеловеческого труда и усилий мне удалось постичь тайну зарождения жизни; более того — я узнал, как самому оживлять безжизненную материю. И это дано было мне, только мне, Виктору Франкенштейну. Изумление, охватившее меня, скоро сменилось безумным восторгом. Мое открытие показалось мне столь ошеломляющим, что, ослепленный, я видел лишь конечный результат. Я держал в руках то, к чему стремились высочайшие мудрецы от начала времен.

Получив в свои руки безмерную власть, я долго раздумывал, как употребить ее наилучшим образом. Теперь я знал, как оживить безжизненное тело, но составить такое тело, во всей сложности сочетания нервов, мускулов и сосудов, оставалось задачей невероятно трудной. Я колебался, создать ли себе подобного или же более простой организм. Но успех настолько вскружил мне голову, что я не сомневался, что сумею вдохнуть жизнь даже в существо столь удивительное и сложное, как человек.

И вот я приступил наконец к сотворению человеческого существа. Я решил создать гиганта высокого и мощного сложения. Я думал, как благословит меня множество счастливых существ, обязанных мне своим рождением.

Теперь мне приходилось рыться в могильной плесени ради оживления мертвой материи. Я собирал кости в склепах, я кощунственной рукой вторгался в сокровеннейшие уголки человеческого тела. Бойня и анатомический театр поставляли мне большую часть материалов, и хотя я часто содрогался от отвращения, но все же вел дело к концу.

Прошли зима, весна и лето. Однако я был так предан своим трудам, что не любовался цветами и свежими листьями. Все, что всегда меня восхищало, теперь стало мне безразлично.

Свою мастерскую я устроил на чердаке, отделенном от всех остальных помещений моего дома, будучи уверен, что никто не сможет ко мне войти. По ночам меня лихорадило, а нервы были так болезненно напряжены, что я вздрагивал от каждого шороха.

Г Л А В А 5

Наконец я решил, что мои труды завершены. С мучительным волнением я собрал все необходимое, чтобы зажечь жизнь в бесчувственном создании, лежавшем у моих ног.

Была полночь, дождь уныло стучал в оконное стекло. И вот в неверном свете газового рожка я увидел, как открылись тусклые желтые глаза, как существо начало дышать и судорожно подергиваться. Великий Боже! Он был страшен! Желтая кожа обтягивала его лицо, водянистые глаза ничего не выражали, узкие губы бессвязно шевелились.

И ради этого я лишил себя здоровья и покоя! И вот, когда я окончил свой труд, вся прелесть мечты исчезла и сердце мое наполнилось несказанным ужасом и омерзением. Не в силах долее смотреть на свое творение, я бросился вон из мастерской и принялся в отчаянии метаться по спальне. Наконец, измученный усталостью, я рухнул на постель и погрузился в сон, больше похожий на обморок. Я проснулся оттого, что кто-то приподнял полог кровати. В мутном свете луны я увидел гнусного уродца, сотворенного мной. Он протянул руку, словно пытаясь удержать меня, но я вырвался и побежал вниз по лестнице.

Я провел страшную ночь. Мне казалось, что чудовище настигает меня. К ужасу примешивалась горечь разочарования; то, о чем я так долго мечтал, превратилось теперь в кошмар. Я бежал по пустынным ночным улицам, стараясь не останавливаться. Иногда, обессилев, я брел неуверенной походкой, не смея оглянуться назад.

Так я добрался до постоянного двора и вдруг увидел почтовую карету, показавшуюся в конце улицы. Это был швейцарский дилижанс. Приблизившись, он остановился прямо у дверей постоянного двора. Нельзя описать мою радость, когда в окне кареты я разглядел Анри Клерваля, который, завидя меня, тотчас выскочил из экипажа.

— Милый Франкенштейн! Как я счастлив тебя видеть!

Я сжал его руку и впервые за много месяцев ощутил светлую радость.

— Ты скажи скорее, как поживают мои братья, отец и Элизабет?

— Они здоровы, и все у них благополучно... Но ты! — с тревогой проговорил он, вглядываясь в мое лицо. — О! Ты худ, бледен, у тебя совершенно больной вид.

Меня снова охватила дрожь. Мы шли по улице, приближаясь к моему дому. Я боялся увидеть чудовище, но еще больше боялся, что его может увидеть Анри. Попросив его подождать несколько минут внизу, я быстро взбежал по лестнице. Я со страхом вошел в свою спальню, но, к счастью, она была пуста. Ужасное существо исчезло.

Клерваль поднялся вслед за мной. Но я вдруг пошатнулся и без чувств рухнул на пол. То было начало нервной горячки, на несколько месяцев приковавшей меня к постели. Я действительно был сильно болен, и только неустанная забота моего друга могла вернуть меня к жизни. Мне то и дело мерещилось сотворенное мной чудовище, и я без умолку им бредил. К счастью, Анри счел эти слова бессмыслицей, приписывая их моей тяжелой болезни.

Я поправлялся очень медленно, но наступил день, когда я впервые с удовольствием заметил, что на деревьях появились молодые свежие побеги. Я чувствовал, что в моей груди возрождаются любовь и радость.

— Дорогой Анри! — воскликнул я. — Ты спас меня! Чем я могу отблагодарить тебя?

— Ты отблагодаришь меня, если поскорей поправишься и мы сможем с тобой кое о чем поговорить.

Я вздрогнул. «Поговорить? Неужели я мог рассказать ему о моем чудовище?»

— Успокойся, — сказал Анри, заметив, что я переменялся в лице, — я не собираюсь касаться того, что тебя волнует. Ты устал, ляг и отдохни! А теперь я тебя порадую: вот письмо, которое уже несколько дней ожидает тебя. Оно от твоей кузины.

Г Л А В А 6

Клерваль протянул мне письмо:

Дорогой кузен! Ты был болен, очень болен, и даже частые письма Анри не могли меня успокоить. Ну, теперь выздоравливай и возвращайся к нам. Тебя ждет счастливый домашний очаг и любящая семья. Отец твой бодр и здоров, и ему нужно только одно — увидеть тебя и убедиться, что ты поправился. А как ты порадуешься, глядя на нашего Эрнеста! За ним ухаживает добрая Жюстина. Ты, наверное, помнишь ее, она всегда была твоей любимицей. Однажды ты сказал, что одного ее взгляда достаточно, чтобы развеять твоё дурное настроение. Видел бы ты, как под кустом цветущей жимолости сидят рядом Эрнест и Жюстина и читают вместе одну книгу. Какая очаровательная картина! Все наши соседи кланяются тебе и желают наилучшего самочувствия.

Напиши нам, Виктор! Одна строчка, одно слово будут для нас радостью. Тысячу раз спасибо Анри за его доброту и заботу. Прощай, милый кузен, береги себя и пиши нам, умоляю тебя!

Твоя Элизабет

Я написал домой, после чего почувствовал, как они мне дороги и близки. Спустя еще две недели я уже мог выходить. Когда я был в хорошем расположении духа, природа являлась для меня источ-

ником восхитительных ощущений. Ясное небо и зеленеющие поля наполняли меня восторгом. Весна в тот год в самом деле была дивной: весенние цветы распускались на живых изгородях, летние — готовились расцвести.

Г Л А В А 7

Когда после непродолжительных странствий мы с Анри вернулись домой, я нашел следующее письмо от отца:

Дорогой Виктор! Ты, вероятно, с нетерпением ждешь письма. Какое будет тебе вместо ожидаемой радости встретить в этом письме только горе и слезы! Но как не поведать тебе о нашем несчастье? Я вынужден причинить боль моему любимому сыну. Я хотел бы подготовить тебя к этому ужасному известию, но это невозможно. Не стало нашего Уильяма, веселого и милого ребенка, согревавшего мое сердце своей улыбкой. Виктор! Его убили!

Не буду пытаться утешить тебя. Просто расскажу, как это случилось. В прошлый четверг я, моя племянница и оба твои брата отправились на прогулку. Вечер был теплый и тихий, и мы зашли дальше обычного. Уже стемнело, когда мы решили возвращаться. Но тут оказалось, что Уильям и Эрнест скрылись из виду. Они играли в прятки. Уильям побежал прятаться, но Эрнест никак не мог его найти.

Нас это очень встревожило, и мы искали его до самой ночи. Когда совсем стемнело, мы стали искать его при свете факелов. Элизабет также очень волновалась. Часов в пять я нашел свое дорогое дитя. Он был распростерт на траве, бледный и недвижимый, на шее его отпечатались пальцы убийцы. Элизабет безутешно рыдала. Она повторяла: «Боже, я погубила мое милое дитя!» Продолжая рыдать, она рассказала: «В этот вечер Уильям непременно хотел надеть на

шею медальон с портретом матери». Вещица исчезла. Она-то, как видно, и соблазнила убийцу. Мы прилагаем все усилия, чтобы найти проклятого изверга, но пока безнадежно.

Приезжай, дорогой Виктор! Ты один сумеешь утешить Элизабет. Она все время плачет. Ведь это она своими руками надела на шею Уильяма злосчастный медальон. Приезжай, Виктор! Если б ты знал, как мы ждем тебя.

Твой убитый горем отец

Альфонс Франкенштейн

— Дорогой Виктор, не могу утешать тебя, — сказал Анри, — твое горе безутешно. Каким злодеем надо быть, чтобы погубить невинного малютку. Бедное дитя! Что ты намерен теперь делать?

— Немедленно ехать! Пойдем, Анри, закажем лошадей!

Невеселое это было путешествие. Сначала я торопился, желая поскорее обнять своих опечаленных близких, но с приближением к родным местам меня охватило недоброе предчувствие. Подъезжая, я по-прежнему оставался во власти горя и страха. Было уже очень поздно, постепенно совсем стемнело. Городские ворота оказались заперты, и мы не могли въехать в Женеву.

Мы пошли вдоль озера, мягкая шелковистая трава росла по обочинам. Мы решили остаться здесь до утра. Анри расстелил дорожный плащ и вскоре уснул. Я смотрел на звезды, и сон ко мне не приходил. Вдруг я различил в темноте фигуру, выступившую из-за ближайших деревьев. В лунном свете я ясно разглядел гигантский рост, немыслимый для обычного человека, омерзительную уродливость лица... Я его узнал. Передо мной был мерзкий дьявол, которому я даровал жизнь.

Что он здесь делал? Не он ли был убийцей моего брата? Едва эта догадка мелькнула в моей голове, она тут же превратилась в уверенность. Никто из людей не способен был загубить прелестного невинного ребенка. Убийцей мог быть только он. Чудовище быстро

прошло мимо и затерялось во тьме. Никому не понять, какие муки я претерпел в ту ночь под открытым небом.

Рассвело, и мы поспешили в город. Ворота были открыты. Первой моей мыслью было немедленно отправиться в полицию. Но что я мог сказать? Я подумал, что мой рассказ сочтут за лихорадочный бред. Настолько он был неправдоподобен.

Около пяти часов утра я вошел в отцовский дом. Я велел слугам никого не будить и направился в библиотеку. Но вскоре туда вошел Эрнест. Он приветствовал меня с грустной радостью.

— Я надеюсь, что твой приезд подбодрит отца; он тает на глазах. И ты сумеешь убедить несчастную Элизабет, что она не виновна в смерти бедного Уильяма. Тем более теперь, когда преступник обнаружен.

— Обнаружен? Боже! Но это невозможно! Кто мог поймать его? Это все равно что поймать дикого хищника.

— Не понимаю, о чем ты говоришь, — возразил мой брат, — все обвиняют в убийстве Уильяма нашу соседку Жюстину.

— Как это может быть? — воскликнул я. — Жюстина! Такая добрая, преданная нашей семье, как она могла совершить столь ужасное преступление?

Эрнест так разволновался, что долго не мог говорить. Наконец он взял себя в руки и рассказал вот что:

— Тело бедного Уильяма обнаружили возле ее дома с темными следами пальцев на шее — его задушили. Но это еще не все. Одна из служанок взяла почистить платье Жюстины, которое было на ней в ночь убийства. В его кармане она нашла миниатюрный медальон с портретом нашей матери. Этим уликам оказалось достаточно, и Жюстина взята под стражу.

В эту минуту в комнату вошел отец. Горе наложило на него глубокий отпечаток, волосы его совсем побелели. Я обнял его со всей нежностью.

— Милый отец! — сказал я. — Нет слов, чтобы вас утешить. Но скажу одно — вы заблуждаетесь, Жюстина невиновна.

— Дай бог! — сказал отец слабым голосом. — Я тоже не верю в это преступление. Суд будет сегодня, и я надеюсь, что ее оправдают.

Что я мог сказать? Если бы я поведал о демоне, которого создал, все сочли бы мой рассказ больной фантазией.

Вскоре к нам вышла Элизабет. Ее глаза были заплаканы.

— Меня убивает то, что я вчера по просьбе Уильяма своими руками надела на его тонкую шейку цепочку с медальоном, которая его погубила. Но я убеждена в невинности Жюстины. Зная ее добрый, нежный характер, я могу в этом поклясться.

Г Л А В А 8

Мы провели несколько томительных часов: в одиннадцать должен был начаться суд.

Жюстина держалась с достоинством. Она была в трауре. Под влиянием скорби лицо ее приобрело особую красоту. Она казалась спокойной, хотя тысячи горожан смотрели на нее с ненавистью, поверив в ее злодеяние. Она пыталась оправдаться, но слова ее звучали неубедительно. О медальоне она вообще ничего не могла сказать. Она не понимала, как он мог попасть в карман ее платья. А речь обвинителя была беспощадной. Стечение обстоятельств говорило против нее.

Наконец выступила Элизабет:

— Если бы вы знали, с какой преданной, жертвенной заботой ухаживала Жюстина за больной госпожой Франкенштейн до самой ее смерти! После этого Жюстина осталась жить в нашем доме и пользовалась всеобщей любовью. Маленький Уильям любил ее, как самую нежную мать. Они были неразлучны. Она читала ему сказки, играла с ним в его любимые игры. Я без колебаний заявляю, что, несмотря на все улики против нее, я твердо верю, что она не виновата.

Голосование состоялось. К нашему ужасу, Жюстину осудили на смерть.

Не сумею описать, что я тогда испытал! Никакими словами нельзя передать того безвыходного отчаяния, которое овладело мной. Я ничем не мог ей помочь и потому должен был молчать. Я знал, что никто не поверит в ту истину, которую я мог бы поведать. Меня лишь сочли бы безумцем. Терзаясь сам, я видел глубокое горе Элизабет, горе отца и всей семьи. И все это было из-за меня.

Г Л А В А 9

Как тяжело мне было оставаться в моем родном доме! Ненависть к чудовищу сжигала меня. Я жаждал отнять у него жизнь, которую даровал ему так опрометчиво. Жюстина и Уильям погибли, а убийца остался безнаказанным, он на свободе и может совершить еще не одно ужасное преступление. Я с горечью простился с теми, кого любил больше жизни, и покинул отчий дом.

Я отправился верхом на лошади к долине Шамони. Потом я нанял мула, куда более выносливого на крутых склонах. Чем выше я поднимался, тем великолепнее становилась природа, меня окружавшая. Развалины замков на кручах, поросших соснами, бурная река Арв, текущая по перекатам, и наконец сверкающие вершины могучих Альп, гигантские ледники, великий Монблан — все это являло картину редкой красоты. Но ничто не могло отвлечь меня от тяжелых мыслей, омрачавших мою душу.

Я добрался до деревни Шамони. Крайнее телесное и душевное утомление давало о себе знать. Я снял комнату в маленькой гостинице. И едва опустил голову на подушку, погрузился в тяжелый мрачный сон.

Г Л А В А 10

Время двигалось к полудню, когда я проснулся и решил подняться в гору по узкой тропинке. Вскоре я устал и уселся на скале, нависшей над бурно текущей рекой. Но меня не оставляла мучительная тревога, ощущение чего-то зловещего, витающего в воздухе.

В этот миг я увидел человека, приближающегося ко мне с невероятной быстротой. Он без труда перепрыгивал через глубокие горные трещины. Но вот он оказался совсем рядом, и я узнал в нем (о ненавистное зрелище!) сотворенного мной негодяя. Его лицо выражало горькую муку и вместе с тем злобное презрение. Он был чудовищно уродлив и отвратителен.

— Дьявол! — вскричал я. — Как смеешь ты приблизиться ко мне? Прочь, гнусная тварь!

— Я ожидал такого приема, — сказал демон. — Людям свойственно ненавидеть несчастных. Я несчастнее всех живущих. Поэтому ты так ненавидишь меня! Я знаю, ты намерен убить меня, но как смеешь ты так играть с жизнью, созданной тобою же? Если ты примешь мои условия, я оставлю всех вас в покое, если же откажешься, я всласть напою смерть кровью твоих близких.

— Ненавистное чудовище! Дьявол во плоти! Мук ада недостаточно, чтобы ты искупил свои злодеяния, проклятый! — Я в гневе замахнулся на него, но он легко уклонился от моего удара.

— Успокойся! Заклинаю тебя, выслушай то, что я должен сказать! Ты наделил меня силой, превосходящей твою. Я выше ростом и подвижней в суставах, но я не стану с тобой бороться. Я — твое создание и готов покорно служить своему господину. Только ты должен выполнить мои условия. Я должен был быть твоим Адамом, а стал падшим ангелом, которого ты безвинно отлучил от всякой радости. Я вижу счастье, но мне оно не достается. Я был кроток и добр — несчастья превратили меня в злобного демона. Сделай меня счастливым, и я снова стану добродетелен.